

На столе глянцевыми угловатыми пузанами, привалившись друг к другу, белели пакеты с продуктами и минералкой. В одном из них лежала записка, написанная на чистой стороне магазинного чека: «Это на первое время. Звони, если что. Люда. У Ани новый...» Дальше – одиннадцатый сотовых цифр дочкиного телефона. Кухонные стенные часы необычно громко тикали и вдруг оглушительно зазвонили...

Сергей Симонов вздрогнул от резкого звонка и огляделся. Он по-прежнему сидел в трамвае, ехал домой из больницы. Испарившаяся мысленная картина была настолько отчётлива и подробна, что Симонову стало не по себе. «Задремал я, что ли?» – скользнуло в мозг.

До дома было ещё две остановки.

В квартире всё оказалось так, как привиделось. На кухне действительно стояли пакеты, и записка слово в слово. Только часы не висели на стене, а лежали на столе вниз циферблатом, без батареек, и звонок в них вообще никогда не был предусмотрен.

Сергей не стал доставать продукты, обошёл квартиру. «Двушка» не из просторных, но сейчас она казалась огромной. Удивительно, как бездушные вещи чувствуют своё сиротство.

Когда тут жили трое, места семье выходило в обрез. Может, поэтому Сергей зачастил с работы не домой, а в дружеский гараж, где стал спиваться.

Сейчас, когда Люда с Аней переехали к Екатерине Львовне, квартира опустела, онемела, как настрадавшаяся душа, хотя жена с дочкой ничего, кроме одежды не взяли. Сергей не мог одним собой заполнить пространство, где гулками стали шкафы, тумбочки и даже кастрюли.

Он сел на тахту. Итак, его покинули. Жена окончательно. Это следовало из пакетов и записки, полной товарищеского участия. Он знал Люду. Любви к нему она уже не испытывала, иначе не стала бы предлагать помощь, не разрешила бы звонить. Идея развода, насколько он помнил, воплощена. Конечно, с разводом любовь могла и не закончиться, но это не случай Людмилы и Сергея.

Он только что вернулся из «наркушки», где долго и тяжело лечился без всякой веры в то, что не попадёт туда снова. В периодах не то бреда, не то внезапного обострённого сна в больнице он, как нынче в трамвае, однажды увидел некий жизненный сюжет, отчётливый в своём правдоподобии, но по тому времени не слишком удививший.

Это случилось в коридоре клиники, где Сергей лечился, в час посещений. Они с дочкой сидели в коридоре на диване. Измученному уколами Симонову в какой-то момент примерещилась тёщина кухня.

«Хватит мыкаться. Перебирайтесь ко мне», – сказала, будто вынесла постановление, Екатерина Львовна.

«Ой, не знаю», – сомневалась и размышляла Людмила.

«Чего «не знаю»? Вы давно соседи, а не семья».

«Это да, но бросить в трудную минуту...»

«Вот чего я терпеть не могу, так это твои убогие фигуры речи, – тихо раздражилась тёща. – «Трудная минута»... Скажи: «Трудное десятилетие». Опять же, чьё? Его или твоё и Анькино? Может, ты думаешь, что я смотрела на ваше безобразие с умилением и кротостью?»

«Твои словесные фигуры по сути не лучше моих, – парировала Люда. – Как всегда о себе любимой, да, мамочка? Последняя фраза просто шедевр. Оказывается, ты о своём покое печёшься».

«О своём, конечно. Ещё об Анином и твоём, наивная дочь».

Люда глядела в сторону, мелодично помешивая в фарфоровой чашке несладкий чай, и чашка при каждом ударе ложечкой оттягивалась в ту или другую сторону, словно резиновая...

Картинка в мозгу Сергея «выключилась», когда Анна боднула лбом его плечо:

– Папка-а, выздоравливай. Я скучаю.

Сергей вздрогнул, посмотрел на дочь так, будто видел её впервые. Та озабоченно зашептала:

– Па, что, что? Тебе плохо?

– Н-не... Ничего, голова кружится. Ты прости, я пойду, прилягу.

– Да, да, конечно, – засуетилась Анна, вскочила, помогая и Сергею подняться с дивана, и на прощанье чмокнула его в щетинистую щёку.

Сидя уже дома на тахте, он припомнил ту картинку и сегодняшнюю. Откуда лечащийся алкоголик мог узнать, что происходило в обиталище Екатерины Львовны? И как быть с видением в трамвае?

Сергей вздохнул и пошёл на кухню за минералкой.

Утром Симонов отправился на работу, хотя по больничному листу у него оставалось ещё три дня. Трамвай неходко громыхал по рельсам, словно припадал на протез. Сергей равнодушно рассматривал постройшевшую осень. В голове плавали ленивые разрозненные мысли. Меж ними одна вдруг прозвучала, будто чьи-то – не Сергеевы – слова: «Представь, что трамвайная линия обесточилась». Он представил. У пассажира с газетой в руках, сидящего напротив, прямо на газете в мгновение ока вспыхнуло и погасло нечто шарообразное, вроде вспышки

фотоаппарата. Сергей даже отпрянул, но странно: сидящий напротив, тот самый, пассажир да и окружающие вели себя, как ни в чём не бывало.

Трамвай стал, не доезжая остановки. Водитель попросил всех выйти, и Сергей, засунув руки в карманы, двинулся вдоль вереницы трамваев и троллейбусов, боясь объяснить себе, что сейчас такое случилось и какая его личная роль в этом происшествии.

На работе его не встретили раскрытыми объятьями, но нехотя сказали «милости просим», как только истечёт больничный. Денег Сергею Симонову ни за что не причиталось, и он занял у хирурга, а лучше сказать, хироманта Димы, слывшего к тому же ещё астрологом, психологом и парапсихологом. Вся эта эзотерика была его многолетней страстью. Докторицы, медсёстры с санитарками ходили за ним стаей, как голуби на церковной площади, к великому раздражению заведующего и потехе коллег мужчин.

Сергей к увлечению приятеля никак не относился, последнее перед «наркушкой» время Симонов вообще любил всех, с кем выпивал, и тоже вызывал раздражение начальства.

В это утро, засовывая рулетик одолженных денег в карман, Сергей подумал, что может, эзотерика прольёт свет на его видения, придержал было Диму, но так и не решился спросить.

Симонов шёл пешком, вдыхая неласковый осенний воздух. Кожаная куртка не грела. Казалось, холодно даже в черепной коробке, но это и к лучшему. Дома, не снимая куртки, он лёг на тахту, старался ни о чём не думать, но получилось только не замечать времени. Не то дремля, не то воображая, он понёсся по городу...

Осенняя хмурость дня мельчайшей моросью пересочилась в сумерки и в темноту. В реке змейками извивался фонарный свет, асфальт моста поблёскивал, словно обтянутый упаковочным целлофаном. В небе ничего нельзя было разглядеть, но Сергей посмотрел и почему-то вспомнил деревенский сеновал, где они с Людой однажды ночевали. Тогда он понимал, что счастлив, а тут, на мосту это чувство представилось далёким, не своим.

Симонов отвернулся от реки. Мимо него, глядя под ноги, прохожие шли быстро, не озираясь, словно на автопилоте. Слишком промозглый выдался вечер. Никто из снующих мимо

горожан не жил здесь и сейчас. Мысленно они уже видели себя в тёплых квартирах, где пили чай, ели вечернюю яичницу с колбасой, разглядывая иллюзорную тележизнь.

Сергей издали увидел женский силуэт, а точнее, плащ. Не то белый, не то светло-серый. Фонарный свет проделывал странную работу – наделял лицо и одежду незнакомки слабым лучением. Женщина шла, как бы заключённая в сияющий кокон. Растопыренной пятернёй дама время от времени сгоняла короткие волосы на затылок. Большинство женщин не стали бы так поправлять причёску. Незнакомка показала Сергею молодой барышней, но когда та поравнялась с ним, он понял, что обманулся, что ей никак не меньше сорока. Она не прогуливалась, но и не спешила. Он подумал: «Почему?» И пошёл за ней.

2

Ирина Демидова любила свою квартиру, но сейчас не хотела идти домой. Сегодня её уволили по тошнотворно простой причине.

С самого начала главная бухгалтерша из Ирины получилась дельная. Хозяин часто отмечал это и обсуждал с нею новые финансовые проекты.

Ирина думала, её начальник – простой, сердечный малый, и у них наладилось доверительное сотрудничество. Несколько раз она подмечала перегляды сослуживцев, но была слишком увлечена работой, чтобы принимать на свой счёт.

Всё разъяснилось позавчера. Константин Павлович деловито обнял её у себя в кабинете. Ирина вывернулась из его рук. Хозяин устало усмехнулся и поднял ладони, показывая, что попытка не будет повторена. Далее он повёл себя так, словно всё шло по хорошо отрепетированному сценарию: ловко, аккуратно, даже красиво налил коньяку в два фужера и открыл картонку с конфетами. Один фужер протянул Ирине, но та оттолкнула, и коньяк оплескал начальнику манжет с дорогой запонкой. Константин пожал плечами.

– Я могу идти? – спросила Ирина, сдерживая возмущение.

– Конечно. Но вы могли бы принять решение, куда более удобное для нас обоих.

– Упасть в постельку?

– А ещё стать другом, советчиком и совладелицей предприятия. Я умею быть благодарным, –

произнося это, босс разглядывал коньячное пятно на рукаве.

Демидова не ответила.

Он уволил её не сразу. Дал день поработать, ждал перемен, а вечером ей принесли расчёт.

Теперь Ира шла по городу, намеренно не садилась в автобусы и маршрутки. Ей было о чём подумать.

Босс, сам того не желая, сделал своей подчинённой подарок. Он ей подарил не только свободу от служебных обязанностей, но где-то и саму себя. Стоило подумать, как воспользоваться этим благом.

До сих пор Ирина жила для кого-то. Для мужа, сына, больной мамы. Супруг давно ушёл, сын служит в Сибири, мама умерла. Последние несколько лет Ирина жила для дела. Ей казалось важным работать в современной развивающейся кампании. По вечерам она ужинала, ложилась с книгой в постель, и у неё ещё оставалось немножко времени поразмышлять, кто она и зачем живёт. Спокойное сознание отвечало ей: всё идёт, как должно. Ирина засыпала.

Но всё же что-то было не так.

С недавних пор, когда сын, единственный близкий ей человек, уехал, Ира то и дело открывала себя, находила, словно ребёнка в капусте. Она вдруг поняла, что бухгалтерия занимает её постольку, поскольку дело неплохо и предсказуемо идёт. Но при случае Ира рассталась бы со сметами и счетами без сожалений. Читая Чехова или Андреева, она ловила себя на мысли, что люди не должны жить для того, чтоб кормить себя ужином, умыть, одевать и занимать мозги чем-то в угоду чужих прибылей.

«Есть что-то ещё. Ещё что-то...» – думала Ирина, прогуливаясь по мосту. Она не сразу заметила позади себя мужчину. Через плечо при свете фонарей его нельзя было хорошенько рассмотреть. Демидова прибавила шагу...

Ирина буквально заскочила в подъезд, мимоходным женским чутьём, однако, уловив: незнакомец не ускорился, не попытался ворваться вместе с нею.

Дома она выглянула из-за шторы. Преследователь, сгорбившись, сидел во дворе на качели как-то боком. В чёрной одежде он походил на старого грача. Единственным светлым пятном была голова, по-видимому, седая. Нелепая фигура незнакомца и всё вечернее происшествие уже не казались ей опасными.

«Старею. Неврастения», – сказала себе женщина. Незнакомец сидел неподвижно, не обращая внимания на других прохожих. Ирина совершенно успокоилась и озорно подумала: «Что если поговорить с ним?» Она испугалась этой мысли, отошла от окна, но тут же вернулась и снова посмотрела. Незнакомец сидел, будто нарисованный. Захотелось тронуть его, расшевелить. В прихожей Ира ещё немного помедлила, шагнула за порог, захлопывая входную дверь, и нажала кнопку вызова лифта.

«Почему он не ушёл?» – думала она, спускаясь на первый этаж.

«Почему я не уйду?» – спрашивал себя Сергей, покачиваясь на качели.

Если у Ирины не было ответа, то Сергей понимал, что в живости некоторых своих ощущений он сегодня не волен.

– Здравствуйте, – раздалось у него за спиной. – Почему вы меня преследовали?

Симонов увидел лицо женщины. Широкое от лба до скул, оно как бы стекало в тяжеловатую каплю подбородка. Волосы длиной до мочек ушей не скрывали лба, были, по-видимому, светлые, тонкие.

– Не поверите, – честно сказал мужчина.

– Но раз уж я здесь, охотно вас послушаю, может и поверю. Вы, кажется, шли за мной от моста?

– Верно. Вы никуда не спешили. Для женщины странно, по-моему.

– Это повод тащиться за ней через весь город?

Сергей опустил голову.

– От вас шёл свет. Какой-то серо-жёлтый, сизый, жемчужный. Н-не очень разбираюсь в оттенках... Я – Сергей. Симонов.

– Ирина Васильевна Демидова. Про свет неплохо сказано. Необычно слышать от простого человека. Вы поэт?

– Последнее время я сам себе так нов, что охотно согласился бы стать поэтом, лишь бы верить, что моё состояние – часть творческого воображения. Вообще-то я врач.

– И сами заболели, – продолжила Ирина.

– Болел или... Не знаю...

Сергей вздохнул и неожиданно рассказал ей всё, что лежало на поверхности собственной жизни: про пьянство, развод, клинику.

– Осуждаете, Ира? – Ему нравилось выговаривать её имя. – Вы-то, конечно, совсем другая. Женщина пожалала плечами.

– Не знаю, какая. До сих пор мне редко удавалось принадлежать себе. Пошли пить чай, а?

«Молодец, без кокетства», – похвалил мысленно Симонов.

Когда она завозилась с ключами возле квартирной двери, он неожиданно почувствовал, что не может войти. Сергей словно очутился за непробиваемым стеклом или видел её на экране: живая, милая, но далёкая, неосязаемая.

– Что же вы, входите, – позвала хозяйка с порога, приоткрыв дверь.

– Не-не могу. Извините, Ира, – пробормотал он.

– Тогда вот что...

Она исчезла в глубине квартиры и почти сразу вынырнула с бумажкой.

– Мой телефон. Звоните, если что.

«Если, что» – Сергей повторил в себе и крепко смял заветную бумажку...

3

«Сон или не сон?» – первое, что утром пришло на ум Симонову. За окном ещё стояла красивого оттенка фиолетовая темень, но всё же это было утро, а Сергей лежал на тахте в кожаной куртке.

«Куртка ничего не значит. Я вчера весь день не снимал её. До того ли, когда такие дела...»

Сергей подошёл к зеркалу. Оно – великий предатель, обязательно выдаст, если что-то не так. На Симонова смотрел он собственной персоной – высокий, худой мужчина. Волосы давно и абсолютно седые. Сам он не задавался вопросом почему, но среди кусочков его калейдоскопической памяти о запойных днях всплывали разговоры соседей о нём: «Молодой же мужик, а голова сивая. Довёл себя разгуляями-то». Сергей отметил, что одет во всё чёрное: водолазку, джинсы... В шкафу висели рубашки в мелкую коричневую и голубую полоску, но он не помнил, когда носил их. В общем, ничего необычного в отражении не нашлось. Симонов задумался о ночном приключении с Ириной, стал выстраивать логический поезд.

В пользу сна говорило то, что Сергей решительно не мог вспомнить, как добрался до дому. Но против этого довода говорила ясность и последовательность приключения. Ощущение недостоверности происходящего, что помешало войти в Ирино жилище, пропало, сейчас Симонов чувствовал себя больше собой, чем тогда, значит, всё-таки – сон? «Как, однако, крепко и странно я спать стал», – подумал он

и заметил бумажный комок, валявшийся возле тахты. Оказалось, это номер телефона Ирины Демидовой.

– Да, говорите, – раздалось в трубке буднично, словно женщина не помнила вчерашнее знакомство, но это была точно она.

– Ирина Демидова? – спросил Сергей изменившимся от волнения голосом. – Вы узнаете меня?

– Н-нет... Почему я, собственно, должна вас узнать?

Сергей не знал, что сказать. Услышанного было достаточно для смятения. Симонов включил телефон и пошёл на кухню варить кофе или чай, или ещё что-нибудь делать, лишь бы не думать, отвлечься.

В дверь позвонили.

– Папка, здорово! – едва скинув сапоги, с порога затрубила дочь Анна.

Они всегда понимали друг друга. В детстве соседские ребятишки дразнили Аню папиной дочкой, а та гордилась. Шло время, от Ани Сергея отдаляло всё более утяжеляющееся пьянство. Боясь причинить дочери больше горя, чем уже было, Люда долго не решалась развестись с мужем. Она пыталась бороться с его запоями, как могла, а дочке говорила то, во что сама давно не верила: «Вот папа выздоровеет, поедим все вместе к морю». Анютка подходила к беспамятному отцу, гладила по волосам и будто заговор начитывала: «Выздоровливай, выздоравливай».

– В этом деле самое страшное – знать, что никогда, ничто не изменится, – говорила Люда матери по телефону бесконечно усталым голосом. – Помнишь, покойный отец рыбу вялил? Чувствую себя такой вот вяленой плотвицей. Ничего во мне не осталось, кроме соли.

Аня выросла, и семья распалась.

– Папа, – всё ещё шумела Аня, повиснув у него на шее. – Я с лекций сбежала. Поедим?

Дочь принялась потрошить не разобранные со вчерашнего дня пакеты. Сергей наблюдал за ней и вдруг спросил:

– Ты вчера сюда заходила?

– Н-ну... да, – замешкавшись, ответила Аня. – Ты мертвецки спал. Это так красноречиво выглядело... Я уж думала, что ты опять...

– И сегодня пришла проверить?

– Прости, я волновалась за тебя.

– Ладно, проехали. Не волнуйся. У меня уже появилось дело, которое занимает настолько, что я и думать забыл о выпивке.

Они позавтракали жёлто-белой яичницей (Аня всегда прокалывала желтки, но не взбалтывала яйца) с укропом и ветчиной под весёлую девичью трескотню.

После не то обеда, не то позднего завтрака дочка засобиралась. Сергей вышел проводить, заодно решил пройти весь путь до Ириного дома и, может быть, понять, отыскать что-то такое, от чего он успокоится и заживёт, наконец, обычной жизнью.

Вдоль Ириного дома он шёл медленно, со скрупулёзностью Золушки, отбиравшей фасоль от чечевицы, сопоставлял маршрут ночной прогулки с тем, что видел сейчас.

Из подъезда вышла женщина и повернула навстречу Симонову. Всё в ней было знакомо: походка, манера поправлять волосы, держать голову. Она прошла мимо так близко, что Сергей невольно качнулся к ней. Сейчас, а не прошлой ночью от неё веяло духами, ещё какими-то едва уловимыми запахами от одежды, волос, наверное, самой жизнью. Сейчас, а не тогда можно было бы взять её за руку и прочувствовать тепло, рельеф пальцев, ладони.

Ира не узнала Симонова, и он не сделал ничего из того, что хотел: не окликнул, не пошёл рядом.

«Так нельзя. Я должен понять, что со мной происходит», – решил Сергей, вернувшись домой. Он включил компьютер и заблудился в Интернете. Сначала пробежался по форумам астрологов, предсказателей, эзотериков. Не найдя ничего стоящего, он «отправился» к психологам и уфологам, оттуда – к философам, на научные и медицинские сайты. Большая часть «учёных», маячивших в информационном пространстве, оказалась почти неотличима от когорты гадалок-чародеев, а на самом деле – от простых, заурядных смертных, для которых Сергеевы душевные образы – китайская грамота. Кое-кто сеял там разумные вещи, но ни сходных проблем, ни авторитетных схем лечения в итоге всё же не нашлось. Симонов кое-что помнил из психиатрии, в отличие от доморостков, у него были, хоть достаточно поверхностные, но всё же системные представления о душевном, поэтому-то он не смог никому в Интернете довериться. Каша в трактовах электронных собеседников утомила. Сергей встал,

потёр глаза. Проведя пальцем по корешкам книг на стеллажах, отправился в библиотеку.

4

Ирина проснулась в хорошем настроении и решила не торопиться с работой ещё с неделю. Чутьё ей подсказывало, что Сергей обязательно позвонит, но, может, не сегодня, ведь он хирург, значит, ночные дежурства, то, сё... Размышляя так, Ирина особенно тщательно варила кофе. Ей доставляло удовлетворение каждое маленькое движение, каждый необходимый жест. Кофеварение вообще приятный ритуал, а сегодня в нём было что-то особенно чарующее.

По утрам, когда не надо никуда торопиться, Ирина любила пить кофе, подставив стул к подоконнику. Напиток медленно остывал, пейзаж за окном просветлялся, проснувшиеся мысли, не спеша, но уверенно выстраивались в привычном русле.

В эту раннюю нирвану вторгся телефонный звонок.

– Да, – сказала женщина. – Говорите.

– Ирина Демидова? – спросил мужской голос, кажется, похожий на голос вчерашнего странного знакомого, но полной уверенности у Ирины не было. – Вы узнаете меня?

– Н-нет... Почему я, собственно, должна вас узнать?

В трубке замолчали. Чувствовалась растерянность человека с той стороны. Разговор у него строился сейчас явно не так, как следовало бы. Ирина подумала о Симонове, но не спросила: «Сергей, это вы?» Решила: пусть всё идёт своим чередом, и сбросила звонок.

Но трубка вновь затарахтела – не сотовая. Сработал домашний телефон. Нежный девичий голос спросил:

– Квартира Демидовых? Можно Алексея Николаевича? Это из центральной библиотеки беспокоят.

– Нельзя, к сожалению. Уехал в Кемеровскую область. Я его мама.

– Видите ли, он не сдал книги. Мы посылали письма с напоминанием. Все сроки прошли.

– Понятно. Я поищу.

– Вы можете принести или отправить почтой.

– Сама занесу.

В комнате сына Ирина нашла две книги с библиотечной печатью. Карл Юнг «Структура психики и архетипы» и «Дао де цзин».

Выбор книг ей не показался странным. Молодёжных интересов Ирина не знала, но всякий взрослеющий человек, считала она, стремится хотя бы отчасти определить своё значение, утвердиться в мироустройстве, узнать себя, понять, на что способен, пусть и с помощью невообразимых книг. Она также знала сына. Тот и офицером-то захотел стать ради возможности преодоления трудностей, необходимости принимать решения. Однажды Алёша сказал ей: «Судьба не нить - полоса, причём вертикальная, и человек сам выбирает, по нижнему или верхнему обрезу идти». Может, он и прав...

Она повертела в руках «Дао де цзин».

«Путь по-китайски. Интересно, не из этой ли философии сын взял мысль о ленте судьбы?»

Ирина открыла книгу на случайной странице: «Преобразования невидимого бесконечны. Дао – глубочайшие врата рождения... Небо и земля долговечны потому, что существуют не для себя... Совершенному мудрый ставит себя позади других, благодаря чему оказывается впереди».

«М-да-а... Сходу не поймёшь. Интересно, что мой мальчик вынес из всего этого?»

«Архетипы» женщина смотреть не стала, сложила книги в пакет.

День выдался солнечный, радостный, хоть и осенний. Яркий, тёплый, какой-то просветлённый, как вычищенное на Пасху окно, однако, пахнувший увяданьем. Кроткая радость дня будто напитывала душу, отрешая от всего суетного.

Ирина шла на остановку, ехала в автобусе, думая о сыне, о том, чего бы хотела для себя. Приятное настроение снова погрузило её в мечты, она не слышала ворчанья тех, кому невольно мешала и вскоре вышла напротив библиотеки.

Отдав книги в абонементный отдел, заглянула в приоткрытую дверь читального зала. Молчание стеллажей, готовых в любую минуту с кем угодно поделиться открытиями и заблуждениями, фактами и вымыслами, внушало спокойствие и каким-то образом умаляло суету за окном.

– Чем могу помочь? – Полушёпотом, не смея нарушить пыльную тишину, заговорила с Ириной служительница зала, бесшумно появившаяся рядом.

Демидова попросила что-нибудь популярное по психологии и углубилась в поиск. Она

пока не знала, чего. Возможно, точных, убедительных слов, объясняющих её предчувствие выбора, скорых перемен.

Ирина не слышала, как вошёл ещё кто-то, пошептался с библиотекарейшей и взял стопку бумажной мудрости. Человек сел за последний стол недалеко от выхода и затих, словно растворился...

Время в библиотеке бесшумно проскальзывает мимо читающих, заглядывая к ним через плечо, но никого не толкнёт под локоть, никому не шепнёт: «Пора домой».

Ира закрыла книгу и поднялась из-за стола с чувством, что блуждала где-то в преддверии разгадки, но так и не нашла её.

Не нарушая установленной тишины, она двинулась по проходу к двери и заметила: незнакомец за последним столом спит, положив на локти голову вниз лицом. Ирина улыбнулась, как улыбаются безмятежной беззащитности кого-то из близких, дорогих людей, может быть, ребёнка или любимого.

5

Город готовился к скоротечному осеннему вечеру. Ира высматривала какое-нибудь кафе и заметила невдалеке Сергея. Он тоже увидел её, махнул, чтобы подождала, и подошёл. Кафе было тут же забыто.

Ирина и Сергей бродили по городу, говорили обо всём, перескакивая с темы на тему. Выплетаясь одно из другого, иной раз рождались суждения, неожиданные для обоих. За годы человек, оказывается, неосознанно успеваешь зацепить взглядом, мыслью несметное количество вещей, явлений, лиц. Подсознание трамбует, упорядочивает их по своему желанию, выдавая потом в виде снов и неожиданных открытий.

Работа, вечные заботы, которых с Ириной никто не делил, не оставляли, казалось, и пяди свободного места в душе. Когда она успела подметить, запомнить то, о чём сейчас с увлечением рассказывала Сергею?

Он слушал, почти всегда только слушал, редко сам выдавая что-нибудь неожиданное. Иногда его молчание становилось таким... пустым, что Ирина незаметно для Сергея, пыталась заглянуть ему в глаза, подметить улыбку, недоумение – что-то такое, что хоть как-то нарушало его неживое молчание. Но Сергей начинал говорить, и отчуждение про-

падало. Из разговоров, схожих и несхожих впечатлений, казалось, строилось их душевное единение.

Сергей слушал Ирин голос, внезапно становившийся то гулким, словно в органном зале, то далёким, звучащим где-то над его головой, то сиплым шёпотом в ухе, чуть ли не внутри черепа. Симонову стоило труда следить за смыслом разговора.

– Я так и не понял, вы где-то работаете? – спросил Сергей.

– Пока нет. Дам себе ещё пару дней отдыха. Для меня это большая и желанная роскошь.

– Чем же собираетесь наполнить эту роскошь? Принято считать, что для женщины нет ничего страшней одиночества.

– Ну да, о нём говорят как о величайшей трагедии. А я, по-моему, с ним подружилась. Впрочем, это скорей временное уединение. Я была одинока, когда рядом кто-нибудь оставался.

Ирина помолчала.

– Когда ушёл муж, мне говорили: «Ты осталась одна». Одна, понимаете? А были ещё мама и сын. Никто не верил, что после семнадцати совместных лет развод приносит облегчение, хотя, что тут неестественного? За столько лет можно от чего и от кого угодно устать. Помню, муж приходил с работы, молча проглатывал ужин и так же молча сливался с диваном. Я только что не выла от тоски... В день смерти мамы я действительно осиротела. Горевала, будто полсердца ампутировали, а во сне видела весёлую маму, и та говорила мне: «Я отмучилась, и ты отмучилась». Когда сын поехал служить, мою печаль заглушала уверенность, что так надо. Я готовилась к этому все пять лет его учёбы. И вот теперь по-настоящему одна. Знаете, Сергей, я стала открывать удивительные вещи.

– Какие же?

– В Летнем Саду на фонтане у ангела правая рука длиннее левой, а листья у двух рябин под моими окнами распускаются и облетают не одновременно.

Сергей улыбнулся.

– А ещё я перестала стареть.

– Надо же. Вы действительно не выглядите пожилой матроной.

– Не смейтесь. Раньше время постоянно обнаруживалось в джинсах и футболках, из которых Алёшка год за годом вырастал, в угасании мамы. Теперь мои родные не со мной, и время остановилось... Ну, а вы?

– Моё время шло мимо меня, в запоях и лечебнии. Я и сейчас не знаю, здоров ли...

Сергей запнулся на слове. Ира тоже молчала, позволяя Симонову самому решить, рассказывать ли дальше. Тот неуверенно произнёс:

– Со мной что-то происходит. Раздвоенность какая-то...

– Есть люди, которые постоянно ведут внутренний диалог с собой. Я тоже. Не знаю, зачем природа это устроила, но мне кажется, я так принимаю более взвешенные решения, выравниваю перепады настроения, в общем, обретаю душевное равновесие. Может быть, и вы тоже? Наверное, так выглядит ваш внутренний диалог. Что-то вроде самотерапии. И потом, чувства в недомоганиях обостряются, а вы, видно, здорово мучились.

– Было... Гм, немного странно, что бухгалтер ставит диагноз врачу.

Ирина пожалала плечами.

– Лечат не только врачи. Солнце, море, лес, камни – та же терапия. Мать выхаживает ребёнка. Никто не видит в этом странного.

– Простите, если обидел. На самом деле я рад, что вы со мной так... Почему вы верите мне?

– Потому что вы не задаёте вопросов о сокровенном и сами не слишком откровенничаете. И не подгоняете события.

Сергей чуть улыбнулся.

– Но не потому, что не хочу... Считаете меня сумасшедшим?

Теперь усмехнулась Ирина.

– Вряд ли вы безумны. Я сегодня читала.

– Интересуетесь психиатрией?

– Н-нет... Ищу: в чём смысл существования человека, который уже выполнил всё, что считал этим смыслом.

Неспешно беседуя, они дошли до Ириноного дома и остановились у подъезда. Неожиданно девятиэтажный дом стал медленно, постепенно закрывая небо, крениться на ничего не замечающую Иру и Сергея. Качель, какие-то дворовые постройки тоже наклонились так, будто причина и женщина были центром притяжения. Сергей разволновался от чувства неправдоподобия, ему захотелось бежать прочь.

– Я должен идти, – сказал он торопливо.

Сергей смотрел на Ирину с тревожной надеждой, будто искал, за что ухватиться, не поддаться настойчивому зову другой своей жизни. Он хотел коснуться плеча женщины, но мгновенно выбрал другое: бросился в темноту.

Реальность вклинилась в сознание чужим приглушённым голосом:

– Мужчина, мужчина-а.

Аккуратная седая женщина в очках совершенно белыми, холодными пальцами трясла Сергея за плечо.

Симонов поднял голову и огляделся. Кроме него и торжественной старушки-служительницы в читальном зале никого не было.

– Как же вы страшно спите. Напугали меня. Не могла добудиться... Мы закрываемся, – шёпотом, словно ещё кто-то спал, пояснила старушка.

– Да. Иду. Извините.

По дороге домой Сергей обдумывал библиотечный сон или транс, где снова была Ирина, где они разговаривали, слоняясь по улицам, расстались у неё во дворе, и снова Симонов не знал, каким чудом вернулся в библиотеку. Просыпаться в этот раз было труднее, чем в первую после больницы ночь. Засунув руки в карманы и подняв воротник, он не столько прятался от холода, сколько от внешних сует и шума, чтобы подумать.

Итак, размышлял Симонов, какова картина реальности? Двоение личности. Главное условие – сон. Что же получается? А то, что пока настоящий Сергей спит, его призрак бродит по вечерним улицам. Почему фантом появляется? Вероятно, из-за чего-то важного... Поскольку двойник – часть личности Симонова, ему должно быть важно то, что и хозяину. Если бы реальный Сергей надеялся снова сблизиться с Людой, призрак скорее всего крутился бы возле квартиры Львовны, и сны были бы связаны с обстановкой, двором и вообще всем окружением бывшей жены. Если бы Анна не хотела видеться с отцом, приведение бродило бы за ней... Раз фантом всюду отыскивает Ирину, значит, она ему важна. В самом деле, для Симонова она на удивление быстро стала значимым человеком. Очевидно и то, что она общается с призраком Сергея вполне охотно, иначе откуда бы у него записка с её номером телефона. Вот только для неё встречи с фантомом – не сон, а реальная жизнь.

В мире, куда неизменно (и слава Богу) приходит день, у настоящего Сергея ломит тело от усталости, болит голова. Его мир – город, в котором – прошлое, настоящее, будущее. Здесь были запой, «наркушка». Здесь у него две важных ипо-

стаси: он – врач и отец. В этом мире Симонов хотел бы жить с Ирой, но та его не узнаёт ни по телефону, ни воочию. Ирина Демидова – живая, реальная женщина, но для настоящего Сергея она пока только мечта.

Сергей решил, что обязательно поговорит с ней как-нибудь днём, но позже. Сейчас важнее понять, как прекратить раздвоенность личности.

«Не спать! – неожиданная мысль осенила заблудившегося в вопросах Симонова. – Тогда двоения не будет, не будет призрака».

За этой думой пришли другие. Ну не поспит Сергей одну ночь, скажем, на дежурстве в больнице, с трудом протянет ещё пару ночей, но потом-то заснёт, незаметно и глубоко, а именно этого никак нельзя допустить. И всё же Сергей надеялся, что с возвращением в рабочий ритм, в заботы привычного порядка, сны с фантомными прогулками потеряют силу достоверности и потом как-нибудь совсем перестанут сниться.

Надежды не оправдались. Начинались и заканчивались дни. Сны, где его фантом бегал на свидания, продолжались, и всё мучительнее давалось пробуждение.

В очередное рабочее утро, на совещании, совсем некстати Симонову привиделась бывшая жена Люда. Она шла по больничному коридору в сторону процедурной. Дима семенил навстречу, но не к ней, а в кабинет заведующего отделением на собрание-пятиминутку. Их взгляды встретились. Они ничего не сказали друг другу, но Люда опустила глаза и улыбнулась в пол.

«Ничего себе!» – удивился Сергей.

– Симонов!

От неожиданного оклика заведующего Сергей проснулся в ту минуту, когда в кабинет вскочил припоздавший Дима и стал в полуприседе протискиваться между коллегами на свободный стул.

– Извините, в приёмном покое больного осматривал, – негромко пролепетал хиромант, но его оправдания не нужны были заведующему, может, он их даже не слышал, поскольку строго смотрел на Симонова.

– Вы что, спите? Возьмите себя в руки. Работать надо, включайтесь, – сухо отчитал Сергея начальник.

– Да-да, виноват, – выговорил Сергей растерянно, мотнув головой, чтобы прогнать мимолётный сон, но и вникнуть в то, о чём говорил

заведующий отделением, как ни старался, не смог. Надо было найти какой-нибудь способ контролировать себя.

Из сонмища литературы Симонов теперь выбирал статьи о том, как управлять психикой, волей. Попытался тренироваться, насколько возможно, концентрироваться, но мало что получалось. А иной раз казалось, что и получается. Сергей взбадривался, засыпал, надеясь на полноценный, подчинённый себе сон, но ему снился... он сам, издевательски улыбающийся себе же. Симонов искал причину видений, но логика не подсказывала ему ничего, во что можно было бы поверить и принять как объяснение. Главное, чего он не мог понять, почему и после сотой неудачной попытки его надежда обрести душевную целостность всё ещё жива. Он снова и снова упрямо напрашивался на ночные дежурства.

Между тем, сны-прогулки с Ириной, хоть и реже, но продолжались, привязанность к ней крепла, возвращаться из забытья-транса стало невыносимо тяжело. Сергей-фантом упорно рвался к женщине, а настоящий Сергей жаждал вернуть себя. Противостояние обострялось.

7

За время Сергеевого недуга фантом привык к себе, уверился в возможностях и стал что-то уважительное понимать на свой счёт. Но с тех пор, как Симонова выписали из наркологической клиники, призрак не чувствовал себя уверенно. А тут – любовь, новое, не изведенное им до сих пор явление – не чувство – море чувств, вселенная переживаний. Вот когда по-настоящему нужны сила и свобода, а они именно теперь стали притупляться. Наряду с большим счастьем появилось и чувство неполноценности. Отчего оно возникло? Фантом не знал. Ему пока удавалось заставлять настоящего Сергея засыпать где ни попадя, но не было дня, когда слабость призрака отпускала.

Фантом стал бояться света, даже фонарного. Приходилось хитрить, уводить Ирину во время прогулок в улочки потемнее. Покидать Сергея днём он не мог, хотя мог заставить уснуть. Солнечный свет раскрыл бы, что фантом не тот, кем отчаянно хотел быть для Ирины. Она пока не замечала (или старалась не замечать) разницы между ним и настоящим Сергеем. Её разочарование для фантома было бы убийственно, а ему как никогда страстно хотелось жить.

Призрак паниковал, пытался вырваться из Сергея, каким-то образом противопоставить его окружающим, чем-то, как-то сломить. Скоро фантом понял: те, кто не жалуется его хозяйина, не помогают и призраку. Окружающие будят Сергея и обрывают фантомовы путешествия. Они критикуют Сергея и подстёгивают его волю, заставляя бороться с собой, значит, и с призраком.

Будучи порождением, частью Симонова, призрак мог всё и ничего. В его власти было внушить своему хозяину любую идею, желание, но при осмыслении будущего результата оказывалось, что каждое внушение неизбежно приведёт к гибели самого фантома. Так что стоило подумывать, как избавиться от связи с Сергеем.

Всё подвластно пытливым умам. Кто ищет, тот найдёт. Призрак и Сергей хотели одного и того же: полноценной самостоятельности. Симонов искал: копил, раскладывал по полочкам сведения по психологии, психопатологии, психиатрии, но пока не знал, зачем ему такая бездна знаний, она ещё не дала никаких ответов, зато призрак понял, как и что можно предпринять, и решил действовать незамедлительно.

«Сергей», – услышал Симонов, проснулся, но недвижно лежал лицом к окну. Зов показался ему собственной мыслью, но голос прозвучал снова: «Давай поговорим».

Сергей перевернулся на спину. Где-то в стороне, не прямо в окне, – сияла полная луна, отчего сумрак в комнате был светлым.

«Проснулся?»

Симонов сел и увидел на тахте в изножье... самого себя.

«Отпусти меня», – без обиняков попросил призрак.

«Каким образом?»

Фантом усмехнулся.

«Тебе, врачу, рассказать, как это делается?»

Сергей откинулся на подушку. Намёк ему не нравился.

«К чему этот разговор?»

«Я люблю Ирину, хочу принадлежать ей».

«Что мешает нам вместе стать частью её жизни?»

«Нам с ней не нужен алкоголик и неудачник. Всю жизнь ты лелеял глупые амбиции на работе, обижался, пил, чтоб вдохновиться своими достоинствами, утешиться надеждой на лучшее завтра. Но отрезвев, ты всякий раз понимал,

что обманывался, и признание с уважением тебя вовсе не ждут. Родные вразумляли, друзья раззадоривали и наливали, а правды не сказал никто. Тех и других возле тебя становилось всё меньше. В конце концов, у тебя остался только я. Я, твой вечно трезвый внутренний голос, предупреждал, что всё это плохо кончится. Ты не слушал или уже не мог ничего сделать. Теперь я хочу уйти. Не сегодня – завтра ты бесповоротно слетишь с катушек, а я потеряю Ирину навсегда».

«Послушай, юный влюблённый, – сказал Сергей тому себе. – Неужели не понимаешь, что всё равно наступит день, меня что-нибудь или кто-нибудь обязательно разбудит, а тебе волей-неволей придётся бессознательную часть моей личности.

«Конечно. Но пока ты спишь, у меня будет время кое-что предпринять».

«Любопытно, что же?» – Сергей даже поёрзал.

«Это секрет. Помни одно: я знаю то, что ты забыл, а значит, больше тебя. Ну, отпустишь меня к Ирине?»

В загадочных словах Сергей почувствовал смутную угрозу. Он ещё не разобрался, что и кому именно угрожает, но медицинские знания безумца – опасное оружие против окружающих. Симонов постарался не выдать тревоги:

«Кончай разводить демагогию. Я ей всё расскажу про себя и тебя, ясно?»

«Она не захочет слушать. Да и что ты ей скажешь? Какой нормальный человек тебе поверит?»

«Всё, хватит, надоел».

Сергей повернулся к окну и зажмурился.

Когда он снова открыл глаза, уже почти рассвело.

Симонов включил свет, потёр ладонями лицо, будто умылся, и вдруг усмехнулся неожиданной простой мысли: «Раз этот явился ко мне, значит, ему тоже несладко. Видимо, в чём-то я сильнее его. Понять бы, в чём...»

Дима сидел, закинув на спинку стула левую руку, и постукивал о подлокотник карандашом, переворачивая его с острия на колпачок, дослушивая длинный монолог Симонова.

– Когда я с Ириной, то будто в стереокинотеатре: вокруг идёт действие, но оно для меня неощутимо. Это как от всей души руку в скафандре пожимать. Радость есть, рука есть, и ты вроде бы

её пожал, но ни тепла, ни силы не почувствовал. Мы с Ириной расстаёмся, и я обнаруживаю себя проснувшимся. Реальность накатывает валом, даже воздух мне кажется тяжёлой материей. Всё чувствую кожей, носом, языком, но усталость такая, словно душа изнасилась или даже её вовсе нет... Если б я понял причину двоения, смог бы найти способ избавиться от него. А ещё видения в кухне, трамвае, то, как я сумел линию обесточить... Что скажешь? – спросил Сергей.

– М-м-м... – промычал приятель, изображая раздумья знатока. – То, что ты связываешь экстрасенсорные способности с пьянством, думаю, верно. Даже и не сам алкоголизм, а точка перелома с последующим лечением, возможно, спровоцировала появление фантома.

– Мудрёно, но я не «возможно», а точно хочу понять, что со мной происходит.

– Нэт, дарагой, – перебил его Дима с шутливым акцентом. – Ты не понять хочешь, а избавиться от двоения, наваждения, или как там ты всю эту чертовщину называешь, хочешь стать обычным. Но ты не болен. Это не психиатрия.

– Уверен?

– Вспоминай университетский курс. Ты отдаёшь себе отчёт в своей ненормальности. Вот и думай. Вообще, возникновение фантомов не так уж необычно и редко. В юнговских статьях есть примеры даже и коллективных видений.

– Понятно. Ну а мне-то что с этим делать?

– Ответа нет, но он появится, если будем искать. Начнём с простого, – Дима поелозил на мягком стуле, удобнее пристраивая своё тучное тело, излучающее удовольствие от предстоящих умозаключений. – Незабвенный Карл Густав усматривал в воображении первичную творческую способность, различал пассивное фантазирование и активное воображение, – в нём стоит поискать ключ к разгадке твоего необычного состояния. Тут и задача и решение. Чересчур раскачанное воображение создало твою проблему, если только это действительно проблема.

– А разве нет?

– Тот же Юнг усматривал в ярком воображении врачающий момент. Фантом, которого ты создал этим самым воображением, вовсе не проблема, а её решение. Твоя психика, возможно, с его помощью защищается от, ну, скажем, подсознательной тяги к алкоголю.

– Дима, – с нажимом возразил Сергей. – Я не испытываю тяги ни к выпивке, ни к снотвор-

ному и наркоте, и вообще боюсь всего этого. Боюсь, что выпью, усну, и фантом натворит бог знает чего.

– Этого боишься ты. А чего боится фантом? Ты проанализировал ход своего... гм-гм... недомогания? Как было в первые дни, как теперь? Когда тебе легче: днём или ночью, в первой или второй половине дня? Нашёл какие-нибудь ещё изменения в ваших с ним отношениях, хе-хе?

– В первое время я мог вырубиться где и когда попало: в трамвае, например. Но так: если заснул днём – вижу некую сцену, где меня как бы нет, если ночью – путешествую с Ириной. Сначала я уверен был, что сам хожу с ней, но с каждым разом всё яснее чувствую, будто с Ирой другой человек. Хуже это или лучше? Не знаю... Последние несколько дней отключаюсь только ночью.

– Так и отдыхай днём.

– Пробую, но с нашей работой... Да это и не решение задачи. Я выздороветь хочу.

– М-да-а... Что тут можно посоветовать? Самое простое – ждать и постараться не думать о своём состоянии трагически, отвлечь себя любыми не опасными способами, не усугублять проблему постоянными погружениями в неё. Ещё хороша стрессовая ситуация: нутро мобилизуется, фантом теряет самостоятельность и вольётся в рамки тебя.

– Такую ситуацию не создашь, в неё попасть нужно.

– Вот я и говорю: нужно время. Совет: почитай классиков. А хочешь, я устрою тебе стресс – хлопну по башке, например?

– Ну тебя, – отмахнулся Сергей, слегка разочарованный простотой решения.

– Вот она, человеческая благодарность, – пафосно воскликнул Дима.

Он не обижался на друга, между ними давно всё было определено.

Сергея, однако, не устраивало ожидание спасительного случая, который может подвернуться нескоро и неизвестно, поможет ли. За две последние недели Симонов перечитал массу всякого печатного слова, что прямо и окольно открывало ему глубины разных тонких материй, и возможно, если б хотел, превзошёл по этой части Диму. Сергей старался меньше спать по ночам, учился управлять мыслями, оттого был всё время сосредоточен. Это мало помогало справиться с проблемой, больше изматывало.

В больнице давно заметили его состояние, но Симонов понял это не сразу.

Однажды после планёрки на выходе из кабинета заведующего его за локоть придержал Дима. До того, – Сергей заметил, – приятель перекинулся с заведующим парой слов.

– Ты рассеянный последнее время, осунувшийся какой-то. Это то, о чём мы с тобой говорили, или... У тебя с этим делом как? – Дима щёлкнул себя указательным пальцем по мякоти белого подбородка.

Вместо ответа Сергей дохнул на него, давая понять, что оценил глупость вопроса.

– Ну, ну, – продолжал Дима. – Мы же медики. Неужели способов не знаем?

Симонов понял намёк, разозлился и теперь ритмично стискивал челюсти, чтобы не вспылить.

– Может, интрижка с какой-нибудь чаровницей? – игриво-таинственно перевёл разговор парапсихолог, желая разрядить напряжение, но вышло только хуже.

– Это никого не касается, так ведь? – Сергей процедил слова через едва разомкнутые челюсти и грубо стиснул рукав Диминого, всегда картонно наглаженного халата.

Уже в коридоре Дима с огорчением глянул на звездоподобную мятину от Сергеевой хватки.

– Не касается, не касается, – с досадой пробурчал толстяк. – Зав поговорить с тобой просил. Ты же знаешь, после запоев тебе не особенно доверяют. Замечать стали, слушки пошли...

– Слушки-и? – громко спросил Сергей (вышедшие следом сослуживцы оглядывались на ссорящихся друзей) и дёрнул Диму за крахмальное ухо воротника. – А не с твоего ли они языка, эзотерик хренов?

– Псих, отпусти, – прошипел приятель, пытаюсь освободиться от Симонова.

Тот, отпихнув грузного Диму от себя, ринулся обратно в кабинет заведующего, выхватил из принтера лист, из рук секретарши ручку и написал заявление об уходе.

Надев куртку, Сергей выскочил в больничный сад, за ограду, на площадь. Он решил поговорить с Ирой сейчас, а не в очередном забытьи. Несколько раз он звонил ей с дежурства, из дому, пытался объяснить, но она каждый раз выключала телефон.

Дойдя до остановки, Сергей поостыл и понял, что где-то даже рад увольнению. Как ни погружён был он в себя, подспудно, оказывается, его

всё-таки угнетало недоверие и насторожённость коллег, но с этим теперь покончено. В ожидании трамвая он слегка успокоился и мысленно вернулся к главной проблеме.

«Как Дима говорил? Понять, что фантому нужно... Призраку даёт силы больное воображение. В недавнем прошлом так и было: алкоголь, уколы делали его практически самостоятельным... Потому-то у меня в памяти то, чего я никак не мог видеть и слышать: разговор тёщи с Людой! Но водка и лечебные снадобья рано или поздно привели бы нас обоих к гибели. Выходит, пока я не выпил или не укололся, мне фантом вообще не опасен».

Поняв про себя, Симонов переключился на мысли об Ирине. И тут ему стало не на шутку тревожно. В массе статей и монографий о слабости и силе психики человека, он познакомился с различными практиками внушения, страшными по своей разрушительной результативности. Человеку можно внушить что угодно без вина и таблеток, и если фантом имел в виду эти знания, то он обязательно попытается поиграть с чувствами Ирины да так, что всё кончится для неё пожизненной психушкой, ведь Сергей-фантом ей явно нравится, и она – женщина. «О, Господи! Вот, где главная-то проблема. Помощь нужна не мне, а Ирине».

9

Сергеевы сны – свидания фантома – продолжались.

Но для Ирины прогулки по сумеречным улицам перестали быть свиданиями. Её отношения с тем, кого она принимала за влюблённого в себя мужчину, всё менее походили на настоящие. Её кавалер (само это слово в понимании женщины утратило прямой настоящий смысл) о своём житье-бытье рассказывал мало. Последнее время был задумчив – не то зол, не то печален, выбирал для прогулок улочки потемнее или вообще не хотел ходить, они сидели на детской площадке в Ирином дворе. Они подолгу молчали, и у Ирины возникало острое ощущение, что рядом с нею никого нет. Она смотрела на своего спутника и почти не доверяла зрению, настолько нереальным казалось его присутствие. Ирина ничего не выпрашивала. Хотела добровольной искренности. А друг о своём самочувствии ей теперь не рассказывал.

Ирине казалось, вот-вот наступит момент, когда романтика станет ощущаемой, но он не

наступал. Мужчина по-прежнему обращался к подруге на «вы», не просился в гости, не пытался обнять или хотя бы прикоснуться. Иру с каждым днём сильнее тянуло к нему, но она не понимала, чувствует ли он то же самое. В общем, роман застрял. Не развивался и не угасал. Пару раз Ирина пыталась взять своего друга (так до сих пор она считала) за руку, но тот оба раза ловко избег этого. При каждой новой встрече она готовилась всем существом прочувствовать тепло рук, аромат тела, вкус поцелуя мужчины, но свидание заканчивалось, они прощались и – ничего. Ничего!

Однажды Ира объявила, что не хочет продолжать знакомство. «Да-а, понимаю, но... А...» – растерянно проговорил «друг» и ушёл.

Потом было несколько телефонных звонков. Какой-то чудак что-то сбивчиво нёс насчёт Сергея (или это он сам и был?), но Ирина отключала трубку, не пытаясь вникнуть в суть услышанного.

Однажды во дворе ей повстречался странный человек, и всё вообще встало с ног на голову.

– Здравствуй, Ира, – сипло окликнул он её и быстро подошёл. Было видно, человек волнуется, многое хочет сказать, потому ничего и не получается.

Ирина непроизвольно приподняла плечо, словно пытаясь защититься.

– Я – Сергей. Симонов.

Несуразный роман, сумасшедшие звонки, незнакомец смешались в одну невообразимую историю, логики которой Ирина не понимала. Незнакомец этот действительно походил на Сергея, только, кажется, был старше.

– Не смешно, – коротко бросила Демидова.

Она посмотрела в истреplenное неведомой заботой лицо с покрасневшими веками, хотела уйти, но мужчина не отставал.

– Погоди...те. Посмотрите ещё. Неужели я не похож на того... на себя?

Ирина ускорила шаг.

– Да не убегайте же, – он догнал её, схватил за локоть.

Сильная, пусть и не грубая хватка выдавала смятение незнакомца также красноречиво, как глаза и голос. Его притязанье обидело Ирину, ведь даже закончившийся роман невозможно выбросить из сердца в одночасье.

– Хотите знать, произвело ли на меня впечатление ваше сходство с ним? – сдерживая него-

дование, спросила женщина. – О, да, конечно. Цирковой номер удался. И что теперь? Я должна кинуться к вам в объятия?

– Зачем ты так...

– Как бы ни было, вы – не он. Сергей не хватает меня, не бежит следом с объяснениями, не говорит мне «ты». Он вообще – другой.

– Другой, да... Но как же ты... вы поняли это, если видите меня впервые? – воскликнул пришелец.

Ирина выдернула руку и поспешила прочь. Сергей крикнул вдогонку:

– Он всегда находил вас без предварительного звонка. Вы рассказывали про ангела в Летнем саду и рябины. Позавчера вы с ним расстались, не объяснив причины.

Последние слова поразили Ирину, но она решительно захлопнула подъездную дверь, так и не обернувшись. Дома Демидова попыталась спокойно размышлять.

Зачем приходил этот человек? Как они с Сергеем связаны? Братья? А может, тут загадка двоения, о котором он рассказывал, и на самом деле... Что же на самом-то деле? Оба – один человек? Бред, бред. Слишком много разного. Незнакомец осунувшийся, усталый, глаза блёклые, неизвестного цвета, тревожные. Вся его фигура – весомая, осязаемая. Совершенно не с чем сравнить. У Сергея, какого она знала, глаза тоже неизвестного цвета, может потому, что Ирине ни разу не удалось рассмотреть их при свете, то есть, она видела их, но оттенка не разобрала. Она, оказывается, не знает о своём избраннике ничего такого, что раскрывало бы в нём человека со всеми житейскими обычкновениями и привычками: ломает ли он хлеб, когда ест, стучит ли ложкой об стакан, помешивая чай, поднимает ли плечи, ёжась от холода...

10

Ирина уходила. Глядя ей вслед, Сергей поднял зачем-то руку и опустил, будто плетью стегнул по безнадёжности.

«Не узнала меня. Не захотела узнать... Эх, дурак, зачем разборки устроил...» – kloкотали в голове Симонова мысли, а в груди саднило.

Он побрёл в противоположную сторону не потому, что ему туда надо, а чтоб и краем глаза не задеть потерянной надежды.

Улица, словно припугнутая отчаянием человека, сплошной вереницей фасадов равнодушно

проскальзывала мимо, никак не давая человеку понять, что тот шагает не по тротуару.

С проезжего полотна на обочину резким гудком Сергея согнал «хаммер». Машина вторглась в его обиды нагло, словно они помешали ей нести миссию авторитета своего хозяина. Вездеход ещё раз зычно рявкнул уже издалека, поглумившись над досадами пешехода. Симонов зло дёрнул уголок губ.

Дома он встал под прохладный душ, дышал водой, хватал ртом, пытаясь умалить горечь разрыва.

Оставляя за собой лужи следов, Сергей добрёл до шкафа и выбрал рубашку в клеточку, которую когда-то считал самой неудачной Людиной покупкой. На чёрные водолазку и джинсы он уже не мог смотреть, – надоела таинственность любого рода. Он хотел обыденности, простоты, без двойственности, без наваждений. Шлёпанцы нашлись у входной двери. Симонов нагнулся за ними. Входная дверь распахнулась и впечатала дверную ручку ему в лоб.

– Ой-ё-о, – сдавленно простонал страдалец, обеими руками накрыв ушибленное место.

– Ах, Господи, – пробасила дочь. – Пап, что ж ты двери-то не запираешь?

– Что ж ты ломишься-то без звонка? М-м-м...

Анна ринулась в кухню и завозилась, хлопнув дверцей холодильника.

Раздалось сотовое тарахтенье. Сергей взял с тумбочки сотовый и включился. В трубке тревожно залепетал Людин голос:

– Тебя уволили? Что, снова за старое?

– А у тебя роман с Димой, – неожиданно для себя выпалил Сергей вместо оправдания. – Вот им и занимайся.

– Ну, знаешь... Правильно мама говорила... – попыталась изобразить возмущение жена, смутилась и отключила телефон.

Сергей бросил трубку на тумбочку, потащился в кухню и попал в могучие руки дочери. Взяв отца за плечи, она усадила его к столу и сунула в руки полотеничный узелок со льдом.

– Полегче, Клара Цеткин, – пробурчал Симонов. – Тише на поворотах, а то ты мне второй глаз подобьёшь.

Дочь в самом деле была шумной, неуклюжей в движениях, при том неумолимо жизнерадостной.

– Папка, я замуж выхожу, – вдохновенно сообщила Анна.

Холод неприятно ужалил ушибленную бровь, Сергей поморщился.

– То есть?

Он, конечно, понял Анну, но ведь новость надо ещё как-то осознать.

– Ну вот, сразу капризничать, будто я единственная на свете девушка, которой для замужества нужны особые причины.

– Так они есть, причины-то?

– Не беспокойся, не беременна, – весело ответила новоявленная невеста.

– Тогда к чему спешка?

– А как я перед Богом-то оправдаюсь, зачем жила на этом свете?

Сергей недоумённо посмотрел на дочь. Та, пряча улыбку, повернулась к плите, где затевала яичницу, и продолжала развивать мысль:

– Грешников он узнаёт по грехам, талантливых – по свершениям, праведников по молитвам. А если ни рыба, ни мясо – тогда как? Если я никому не принадлежала, как бог узнает, жила ли я на земле или отлынивала где-то в межпространстве?

Людмилу всегда сердила привычка дочери шутя говорить о серьёзном, и Сергей сейчас вполне понимал бывшую жену.

– Но почему сразу замуж-то? Может, как все? Сначала профессия, карьера.

– Кто все, пап? Поэт, врач – это от Бога. Такому поприщу стоит жизнь посвятить. Но положить десятилетия на товароведенье... Смешно.

– Тогда зачем в торговый учиться пошла?

На сковороде зашкворчало, капельки масла зароились, будто на раскалённой арене циркачи-невидимки жонглировали тысячей переливчатых мячиков.

– Считаю, в порядке земного поиска себя.

Сергей отложил мокрый узел, которым забыл пользоваться.

– Кто жених?

– Человек. Будущий журналист.

– Тоже будущий и тоже в порядке поиска себя... Жить на что собираетесь?

Анна вздохнула, снимая кушанье с огня.

– Ты как мама. А ещё говорят, что мужчины думают и оценивают всё по-другому. Мы жениться собрались, а не институты бросать. Подработку найдём. С детьми придётся повременить.

– Бог в помощь, – устало сыронизировал отец, махнув рукой, которой тут же попал в подставленную сковороду.

– А, ёлки зелёные! – сквозь зубы процедил бедняга и затряс рукой. – Что ж за день-то сегодня.

Дочь прыснула и протянула покинутое полотенце со льдом.

После совместной трапезы Аня ушла.

Только теперь, сидя за кухонным столом в одиночестве, Сергей почувствовал, как дико, адски устал от всех дневных потрясений. Шишка над бровью, которая неизбежно сползёт на глаз синяком, ожог его беспокоили меньше всего. Он поставил локти на стол, прислонился лбом к пальцам, сцепленным в замок и закрыл глаза..

Он увидел фантома у постели Ирины, держащего её ладонь. Выражение лица женщины, исполненное неестественным блаженством, казалось ужасным.

Сергей потерял равновесие и очнулся. Минутное видение напомнило ему: Ирине грозит опасность.

«Пусть даже она снова отошлёт меня, но я должен увидеться с ней и предупредить. Главное не заснуть, тогда этот галлюцинат не сможет ничего ей внушить», – постановил Симонов и вызвал такси.

– Рок слушаешь, плейер есть? – спросил он у таксиста, назвав конечный адрес.

– Ну, – подтвердил тот.

– Давай. И гарнитуру. Растолкай, если усну, – приказал Симонов, заплатив сразу, и включил тяжёлый рок на полную громкость.

Они поехали. Сергей всё же заснул, не смотря на взрывы музыки в ушах.

«Слушай меня-а», – снился ему звук собственного, угрожающе спокойного голоса и виделось Ирино окаменевшее в безумном восторге лицо.

Такси остановилось возле дома Демидовой, водитель растряс спящего пассажира. Тот выскочил из машины и заметался вдоль многоэтажки. Ирины окна темны. Спит? Или уже в транс? Ждать нельзя. Сергей набрал Ирин номер. Казалось, длинные гудки шли вечность. «Только бы ответила. Пусть пошлёт подальше, только бы ответила. И даже лучше, если пошлёт: буду знать, что она не загипнотизирована», – внутренне умолял провидение Симонов. И, наконец, услышал в трубке:

– Да.

– Ирина, здравствуйте, это Сергей. Вы в порядке? Вам грозит опасность. Я у вашего дома, спуститесь, это важно.

– Да, да, я смотрю в окно, вижу вас. Только ничего не надо, Сергей. Со мной всё нормально. Спасибо, конечно, что беспокоитесь, но не

стоит, право. И давайте обойдёмся без объяснений. Спокойной ночи.

Она выключила трубку. А Сергей улыбнулся: «Узнала. Наконец, узнала настоящего меня».

11

Во сне не поражаешься никакому абсурду. Можешь переживать что угодно, но ничему не удивляешься. Ирину не смутило то, что на её постели сидел Сергей.

– Нам нужно поговорить, – произнёс он. – Вчерашний безумец, который пытался объясниться с тобой на улице, – настоящий Сергей, а я – всего лишь игра воображения. Если тот умрёт, и мне не жить, ведь я питаюсь силой его и отчасти твоей фантазии – фантом, понимаешь? Ненавижу Сергея. Он – моя тюрьма, борется со мной и бодрствует, и бодрится, а я свободен только во время его сна. С некоторых пор я рискую исчезнуть вовсе. Ты ведь любишь меня, прими к себе в душу, я стану твоей частью. Сергей нам будет не нужен.

От неожиданности Ирина кашлянула.

– Ка-ак ты про мою любовь-то... Я вроде ничего подобного не объявляла. Да и на «ты»... Прогресс в наших отношениях, – не без иронии проговорила Демидова. – Допустим, я согласна. Но постепенно Сергеево заменится моим, ведь тебе придётся питаться только моей фантазией, и ты перестанешь быть... То есть, тебе всё равно конец.

– Это можно изменить. Ты должна будешь только верить в меня, но верить всецело, непреложно, не подвергая критике и сомнениям. Я помогу тебе обрести такую веру. Мне известно, как её достичь. Сергей много всего прочёл по этой части, я запомнил. Я и сам буду жить только тобой, буду твоей тенью, буду всем, чем ты захочешь. Каждая женщина мечтает о таком поклонении.

Ира согнула под одеялом ноги, положила на них подбородок. Одеяло натянулось, и стало походить на обелиск, увенчанный женской головой.

– Как думаешь, почему я перестала встречаться с тобой? – спросила она и тут же ответила. – Женщине важно душевное родство больше, чем внешность избранника, это так, но любить – значит соприкоснуться не только душами. Протянуть чашку чаю, расправить шарф на груди любимого, взъерошить ему волосы... А классическое «коснуться руки»?

Сколько блаженства в одном только этом... В конце концов, даже Богу для рождения сына понадобилась женщина во плоти... Может, вам с Сергеем нужна не я, а специальная помощь?

Мнимый Сергей печально усмехнулся.

– Нет, Ира. Ясновидение – не болезнь.

– Ты о чём?

Ночной гость рассказал ей о том, откуда у Симонова в памяти разговор свекрови с бывшей его женой, пакеты с запиской, Людмила и роман с Димой.

– Сергей видит мной. Пока он в больнице в беспомощности лежал, я выходил чаще. А потом он начал выздоравливать, мне стало труднее быть собой, приходилось ждать его сна. С тобой я познакомился так же... Забавно, когда он подумал про аварию, и все трамваи вдруг остановились.

Ира подняла брови.

– Это тоже ты сотворил?

– То-то, что нет. Совпадение. Но Сергей с тех пор уверился, что может управлять чем-то.

– Значит, не может?

– Нет. Только видит... Вижу. Но и это уйдёт, когда меня не станет.

Ира облегчённо вздохнула и улыбнулась:

– Слава Богу.

Разговор ушёл в сторону, не интересную фантому, и тот занервничал. Нужно скорее приступить к главному, не век же Сергей будет спать.

– Так ты будешь мне помогать? Хотя твоё согласие мне не нужно.

– А как же Сергей? – в свою очередь спросила Ира.

– Ты же знаешь, бывших алкоголиков не бывает. Однажды он снова запьёт и убьёт меня вместе с ним, понимаешь? Мне грозит смерть.

– В таком случае, я права: помощь прежде всего нужна ему, а не тебе и не нашим отношениям.

Призрак раздражился. Он уже не хотел терпеливо уговаривать, к тому же почувствовал слабость и испугался. Однако ему удалось совладать с собой (видно, Сергей вновь задремал). Фантом подсел ближе, взял Ирины пальцы в свою ладонь. Женщина откачнулась, но руки отнять не смогла.

– Слушай меня, – сказал пришелец неживым, монотонным голосом, которому захотелось подчиниться, и посмотрел Ире не просто в глаза – куда-то внутрь черепа. – Слушай меня-а.

Ира не отрываясь смотрела на фантома. Её охватила спокойная радость, быстро, однако,

истаявшая. Следом пришло ощущение чужеродности и ледящего бездушия существа (или сущности), которое Бог знает на что способно, а пошевелиться, сбросить оцепенение невозможно.

Нависнув над Ирой, глядя ей в зрачки, призрак готовился произнести порцию заклинательных мантр. В этот момент в его сознание врезалось роковое крещендо, нарушая настрой призрака. Он зажмурился, схватился за голову и сполз на пол.

Простая и понятная правда ворочалась в его сознании.

В отличие от своего хозяина, призрак никогда не знал алкогольной тяги и потому не мог понять Сергеевой жадности жить. Женщина, которую, как казалось фантому, он любил, не хотела надмирной благоговейной любви, ведь это только часть настоящего чувства, а призрак не мог дать большего. «Как много у нас общего», – думал он, намереваясь встроиться в Ирину психику. Как мало совпадений видел теперь. Увы, его чувственный опыт не равнялся чувственному опыту человека, и с этим ничего нельзя поделать. Размышления вместе с нарастающей слабостью привели его в отчаяние. Фантом рванулся к Ирине с искажённым мукой лицом:

– Ты моя-а...

Выкрикнуть получилось лишь первый слог, остальное вышло беззвучно. Подобраться к женщине и в последний, может быть, спасительный раз заглянуть ей в глаза призрак не смог. Разорванный телефонным звонком, он пропал, истаял вместе с ужасом и оцепенением его жертвы. Ирина очнулась и не сразу поняла, что ей звонят.

– Ира, здравствуйте, это Сергей. Вы в порядке? Вам грозит опасность. Я у вашего дома, спуститесь, это важно.

– Да, да, я смотрю в окно, вижу вас. Только ничего не надо, Сергей. Со мной всё нормально. Спасибо, конечно, что беспокоитесь, но не стоит, право. И давайте обойдёмся без объяснений. Спокойной ночи.

Женщина рухнула на постель и заснула, не добравшись до подушки...

Она разлепила глаза, когда чахлый утренний свет с трудом проник сквозь плотные шторы.

«Какая сумбурная ночь. Страхи, звонки, кошмары», – подумала Ирина, подошла к окну и выглянула на улицу.

На покачивающейся и поскрипывающей качели дремал Симонов.

«Человек просидел под окнами всю ночь. Кажется, собирался поведать что-то важное, вроде бы про опасность. – Досадовала на себя Ира, надевая пальто и спускаясь. – Так это или нет, но он здесь ради меня. Стоит его хотя бы чаем напоить».

Когда она вышла из подъезда, Симонова во дворе не было.

12

Они не появлялись с неделю. Ни фантом, ни настоящий Сергей.

Ира гуляла по любимым городским местечкам, нет-нет, да и оглядывалась по сторонам, вечерами посматривала из-за шторы. Никого. Что ж, к лучшему, думала она. Слишком странно складывались их отношения. Ни он, ни она не хотели расставаться, а как изменить ситуацию к взаимному счастью, никто из них не знал. Решение расстаться было самым простым и, скорее всего, самым верным. И вот она снова принадлежит только себе...

После смерти матери Ирине мало что казалось драмой. Всё, что считают бедой для женщины, Иру беспокоило иначе.

«Сорок пять не за горами», «ни одной живой души рядом», «одинокая старость». Это отовсюду – из телевизора, из уст коллег и знакомых, родственников, друзей – звучало нарочито, а вместе с тем, равнодушно-расхоже, как слова плохой гадалки: «Ждёт тебя и печаль, и радость». Понимай, как хочешь: то ли у тебя одной всё это «не за горами», то ли как у всех и не более, чем обычно.

Но если у тебя – как у всех, тогда неумолимость времени – разве трагедия?

Кем для неё мог бы стать Сергей, она себя, конечно, спрашивала, но раз ничего не вышло, стоит ли драматизировать... Встретив за сорок с лишним лет отпущенное судьбой число прохвостов и порядочных людей, увлѣкшись и разочаровавшись несколько раз, Ирина Демидова решила, что больше не станет просить судьбу, подгонять события и спешить с выводами.

Но всё-таки неуклюжий роман не прошѣл бесследно, чего-то было искренне жаль. Чтоб не увязнуть в сожаленьях, женщина погрузилась в поиск работы и уже побывала на собеседованиях. Но одним нанимателям не приглянулась она, другие не устроили её. Ира купила свежую

газету с объявлениями, пошла в центральный сквер и устроилась на скамье вблизи лужи, залепленной по окружности жѣлтыми листьями.

«Дизайн женской и детской одежды. Курс обучения две недели», – прочла Демидова.

«Учиться, гм...по крайней мере ново. Поиск идей». Она позвонила по номеру из газеты, записалась на завтра, тронула гладь лужи носком ботильона и медленно, наслаждаясь днѣм, пошла вдоль аллеи.

Мобильник задрожал, задѣргал сумочку.

– Да, – ответила Ирина.

– Это Сергей... Здравствуй.

– Здравствуй, – откликнулась Ира просветлѣнным голосом. Она и не подозревала, что так обрадуется. События последнего времени должны бы насторожить, но интуиция подсказывала: что-то окончательно и бесповоротно изменилось к лучшему.

– Я тебя вижу, – сказал Сергей. – Сейчас подойду.

Она не знала, куда смотреть, озиралась по сторонам и, наконец, ухватила взглядом знакомую фигуру. Симонов перескочил дорогу не по правилам, оказался на мокрой, потому скользкой жухлой увядающей траве между деревьями, смешно балансируя, выбрался на брусчатку. Он озорно взглянул на Ирину. А та давно безотчѣтно улыбалась, с первой секунды, как издали его заметила.

Они пошли рядом, расспрашивая друг друга о том, кто как провѣл ближайшие дни.

– Жила, как обычно, – сообщила Демидова. – С завтрашнего дня пойду на дизайнерские курсы.

– Что же роднит бухгалтерию и оформление одежды?

– В том-то и дело, что ничего! – весело воскликнула Ира.

– Понимаю: земной поиск самой себя, как говорит моя сумасшедшая дочь.

– Именно. А ты?

– Я ушѣл из больницы. То есть, уволился, а не лежал. Но не рискну податься в кассиры или сапожники. В девятой поликлинике место обещали.

Ира и Сергей взошли на мост, отвернулись от города, стали смотреть на воду. Они не могли наговориться. Вспоминали, шутили, иногда легонько сталкивались плечами и чувствовали друг друга. Ирина смеялась, слушая Сергея, и пыталась понять, какой хочет жизни.

Может, этой самой, где есть далёкий сын, невообразимые курсы, Сергей – не таинственный сумеречный обожатель, а простой, понятный, из плоти и крови? Ирина как-то поняла, почувствовала, что он больше не раздвоится, но вот за себя ручаться не могла. Ей-то наверняка предстоит разрываться в решеньях не однажды. В её жизни как раз сейчас полно неясностей.

Сергей пустился в долгий рассказ про свою внутреннюю борьбу. Ирина слушала со вниманием, но отвлеклась на водяные блики, и в этот момент в голову безо всякого напряжения памяти пришли слова: «Судьба не нить - полоса, причём вертикальная, и человек сам

выбирает, по нижнему или верхнему обрезу идти». А потом ещё: «Превращения невидимого бесконечны. Дао – глубочайшие врата рождения... Небо и земля долговечны потому, что существуют не для себя... Совершенномудрый ставит себя позади других, благодаря чему оказывается впереди».

Слушая и округляя глаза в тех местах, где Сергей, по-видимому, описывал самые драматичные часы последних нескольких дней, Ирина почувствовала совершенно ясное, словно прорисованное кем-то на восковой дощечке иероглифами начало мысли: «А может...»

